

Отставка Маленкова

25 января 1955 года собрался очередной Пленум ЦК, отец докладывал его членам план разрешения кризиса в животноводстве. К животноводству мы вернемся позднее, а главной сенсацией Пленума стало обсуждавшееся последним вопросом снятие Маленкова с поста Председателя правительства.

Внешне ничего не предвещало такого поворота событий. Маленков регулярно приезжал к нам на дачу. Они, как и прежде, подолгу гуляли с отцом, а мы, оба семейства, как и раньше, сопровождали их. Строительство усадьбы Маленкова в Ново-Огареве вступило в заключительную фазу. Правда, Маленков порой выглядел мрачновато, вернее, не сиял улыбкой, как обычно. Я не придавал этому особого значения, мало ли что может человека расстроить?

Конечно, какие-то признаки назревавших перемен витали в воздухе: в октябре 1954 года Маленкова не включили в состав делегации, направляющейся на празднование пятилетия КНР. Отец объяснил свое решение тем, что кому-то надо «оставаться на хозяйстве». К тому же, Китай – страна, строящая социализм, общение предстоит не столько по государственной, сколько по партийной линии. Место Маленкова в делегации занял Булганин и Микоян.

Постановление Пленума ЦК об освобождении Маленкова от должности для меня было как гром с ясного неба. Я ничего не понимал. Отец на мои расспросы отвечал без охоты, ограничился общими словами: «Маленков слаб, безынициативен, легко пасует перед иностранцами, что особенно опасно сейчас, когда мы собираемся налаживать контакты с Западом, с американцами». По опыту я знал, если отец не хочет отвечать или не знает, как ответить, лучше к нему не приставать, толку все равно не добьешься. Я и не приставал. Там приняли решение – значит, так надо.

Опубликованное через много лет, секретное в 1954 году Постановление Пленума ЦК тоже не добавляет ясности. В нем все свалено в кучу, как это обычно делалось в подобных случаях, как до, так и после Маленкова. Его обвинили в грехах реальных, таких, как «Ленинградское дело», арест и казнь Кузнецова, Вознесенского и тысяч их «подельников», арест маршала артиллерии Яковлева и других генералов, учреждение специальной, подвластной только ему, секретарю ЦК КПСС, тюрьмы, так и виртуальных – развал сельского хозяйства, «противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой

¹⁶ Marshall MacDuffie. The Red Car pet: 10.000 miles through Russia on a visa from Khrushchev. NY, W. W. Norton & Company, 1955.

и пищевой промышленности, выдвижение лозунга форсированного развития легкой индустрии», особо подчеркивалось политически вредное утверждение о возможности «гибели мировой цивилизации в случае если империалисты развяжут третью мировую войну».

Все вместе трактовалось «как клевета на партию, отрывка правого уклона, отрывка враждебных ленинизму взглядов, которые в свое время проповедовали Рыков, Бухарин и иже с ними». И это говорил не какой-то заштатный пропагандист. Я процитировал выступление отца на Пленуме.

Не проясняют дело и ставшие ныне доступными записи, сделанные на заседаниях Президиума ЦК 21 и 31 января. В них повторяются аргументы, приведенные в Постановлении Пленума, вернее, Постановление Пленума писалось в русле высказываний участников этих заседаний. И отец, и остальные члены Президиума на своем совершенно секретном заседании говорили что думают, и нет никаких оснований подвергать сомнению запись их слов. Другое дело, что говорили они шаблонно, так, как полагается говорить в ситуации, когда один из них отрешается от власти. Шаблон стал частью естества этих людей, выросших и созревших внутри сталинского руководства. Ничего не меняется в одночасье, а особенно человеческое сознание. Нам кажется, что мы уже давно в будущем, а время по-прежнему отмеряем по часам прошлого. Перевести стрелки удастся с трудом и мучениями, а кому и вовсе не удастся. Последние так и живут в раздвоенном сознании одновременно и в настоящем, и в прошлом.

И тем не менее, наверное, у отца имелись какие-то внутренние, невысказанные, а возможно, и не до конца осознанные мотивы отставки Маленкова. Думаю, что отцом двигало опасение предательства. Он не сомневался, что при первом же даже не кризисе, а просто столкновении Маленков его предаст, как он предал Берию, переметнется к тем, кого посчитает на тот момент сильнее и перспективнее. И станет служить новому хозяину, как раньше служил Сталину, Берии, как теперь служит Хрущеву. Плюс разговор у постели умирающего Сталина о будущем раскладе власти, вернее, отказ Маленкова говорить с ним запали отцу и в душу, и в память. Тогда они нашли общий язык с Булганиным, а Маленков... Отец не забыл и не простил. При всей своей природной, личной мягкости, отец, разуверившись в человеке, внутренне ему больше никогда не доверял. Разуверившись в Маленкове, он уже не мог ничего с собой поделать, дни последнего были сочтены, и январский Пленум ЦК просто подвел черту под давно решенным. Здесь, видимо, и скрывается истинный мотив произведенных изменений.

Очень серьезными и, в отличие от других претензий, не конъюнктурными, мне представляются опасения, что Маленкову не удалось бы отстоять интересы страны в международных делах. Предстояло знакомство с Западом, первая после Сталина, встреча глав четырех держав, первое серьезное испытание «на прочность». У отца крепко сидели в мозгу предсмертное предостережение Сталина: «Котятя вы, не станете меня, и империалисты вас сомнут». Отец старался сделать все, чтобы пророчество Сталина не сбылось.

Особые опасения вызывал Черчилль. Возникает вопрос, при чем здесь Черчилль? Он потерял власть еще в 1945 году, когда британские консерваторы проиграли выборы лейбористам. Теперь они восстановили свои позиции, но премьер-министром стал не Черчилль, а Энтони Иден. Черчилль же жил в своем поместье, писал мемуары, рисовал картины и выкладывал из кирпичей бесконечный забор. Но и политики он из вида не упускал. Все знали, что именно он подталкивал правительства западных стран к встрече с советским руководством, считал, что следует, не теряя времени, познакомиться с новыми хозяевами Кремля, понять, чем они дышат, и, если получится, развернуть отношения Запад – Восток в выгодном для Британии направлении. Когда будущую встречу обсуждали в Президиуме ЦК, Молотов предположил, и отец с ним согласился, что Черчилль, если сам и не приедет на встречу, то

наверняка станет из-за кулис направлять действия не только британской делегации, но всех западных представителей.

Силу и гипнотическое влияние Черчилля все они, кто лично, а кто заочно, испытали во время войны и теперь очень боялись ударить в грязь лицом. Маленков, по общему мнению, не мог противостоять не только тяжеловесу Черчиллю, но и «более легковесному» президенту США Эйзенхауэру. Георгию Максимилиановичу, так же, как почти полвека спустя Горбачеву, донельзя нравилось нравиться собеседникам, особенно иностранным. Ради того, чтобы добиться их расположения, он внутренне был готов на многое. Эти страхи подтверждала недавняя поддержка Маленковым нелепой идеи, не просто отказаться от социализма в ГДР, но и за здорово живешь уступить врагу Восточную Германию, завоеванный кровью форпост в сердце Европы. Не нужно большого ума, говорил отец, чтобы растратить нажитое поколениями. Вернуть утерянное будет много сложнее.

Что же касается маленковской несамостоятельности, в этом его тоже обвиняли на Пленуме, очень даже устраивала отца. Не случайно он заменил Маленкова на столь же безынициативного и аполитичного, если дозволено так говорить о главе правительства, Булганина.

В профессиональной историографии общеприняты рассуждения о борьбе за власть между Хрущевым и Маленковым, которая завершилась победой отца. Побойтесь Бога. Какая борьба за власть? Маленков никогда не претендовал на реальную власть. Сразу после ареста Берии отец уверенно занял место лидера. Он председательствовал на еженедельных заседаниях Президиума ЦК. Постановления правительства по различным хозяйственным вопросам сначала стали Постановлениями Совета Министров СССР и ЦК КПСС, а с июля 1954 года на первом месте уже писался ЦК КПСС, а правительство – на втором, неоспоримый знак того, где сосредоточена реальная власть. Маленков воспринимал происходившее как должное, роль ведомого, «пристяжного», его устраивала, а если он и переживал, то никому свои переживания не показывал.

И после январского Пленума в отношении Маленкова к отцу внешне ничто не изменилось. Он, казалось, удовлетворился всем происшедшим и тем, что 9 февраля Верховный Совет СССР, освободив его от обязанностей главы правительства и назначив министром электроэнергетики СССР, сначала оставил за ним пост заместителя председателя Совета Министров, а уже через три недели, 1 марта, под предлогом реорганизации структуры правительства, по предложению Булганина, естественно, инициированному отцом, выставил из заместителей председателя. Теперь он стал просто министром, но в ранге члена Президиума ЦК КПСС. Маленков по-прежнему был частым гостем у нас на даче. Он, как ни в чем не бывало, гулял с отцом, с видимым увлечением рассказывал о своих новых, министерских делах, продолжал строительство своей новоогаревской дачи. Внешне все, а возможно и внутренне – чужая душа потемки – не изменилось. Возможно, Георгий Максимилианович пока не видел на политическом горизонте реального очередного «хозяина».